

миф, согласно которому «Я», наподобие орфического Эроса, присутствует уже в первичном хаосе, до создания мира, и является соучастником творения:

В первоначальном мерцании,
Прежде светил и огня,
Думать, гадать о созданьи
Боги воззвали меня [15, с. 120].

Существование такого «Я» — непрерывная творческая игра и в то же время «пламенный круг» вечных возвращений, подвластный некоей принудительной силе. Отсюда парадоксальное совмещение в сологубовском я-теурге космического масштаба со «слабостью», «малостью», «призрачностью» («Я только Бог, но я и мал и слаб» [5, с. 296]). В качестве Бога-демиурга он — создатель мира:

Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам [16, с. 7].

Поднимаю бессонные взоры
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами на них ворожу [5, с. 177].

Более того, он — как бы единственная реальность: «Ибо все и во всем — Я, только Я, и нет Иного, и не было, и не будет» [16, с. 5] (см. интерпретацию подобного рода деклараций и обнаружение в них иронической составляющей в [17, с. 8, 9]). Но в самых патетических и как будто однозначных утверждениях теургической интенции «я» у Сологуба присутствует некая отрешенность и часто едва уловимый трагико-иронический привкус:

И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры? [5, с. 257].

Я влюблен в мою игру,
Я, играя, сам сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсем умру [5, с. 280].

Именно это сочетание творческой свободы и принудительности, патетики и отрешенности, космичности и малости, свойственное также лирическому «я» Мандельштама [18, с. 60], эту трагико-ироническую окраску теургических интенций «я» подхватывает и по-своему развивает Мандельштам. Он тоже изображает поэта — творца миров («Безумное веретено», «Я знаю, что обман в видении немислим...» и др.), воспроизводит даже сологубовскую «легкость» миротворения («Что с дивной легкостью мы, созидаая, числим»). Но он же сгущает присутствующие и у Сологуба мотивы «игрушечного», искусственного и призрачного в характеристике субъекта и сотворенного им мира:

Недоволен стою и тих
Я, создатель миров моих,
Где искусственны небеса
И хрустальная спит роса [4, с. 97].

(Ср. также: «Только детские книги читать...», «В безветрии моих садов», «Есть целомудренные чары...», «Отчего душа так певуча...» и др.)